

Не так давно, путешествуя по Интернету, я наткнулся на ссылку: «Рукопись. Константин Симонов. Лирические стихи». На фотографии — желтая мятая временем страница с рукописной надписью: «Константин Симонов. Лирические стихи». И подпись внизу: «Местонахождение — КГБУ "Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая"»!

Честно говоря, прочитав это первый раз, я потом перечитал еще. Рукопись стихов Симонова — в Барнауле? Все мы понимаем, что такое рукопись — это или черновая или беловая запись, сделанная автором.

Симонов в Барнауле никогда не был. Он много ездил по СССР и по миру, был даже в Латинской Америке, но вот в Барнауле — нет. Но это не значит, что его рукопись никак не могла к нам попасть. Автор дарит рукопись другу. Поклонник выпрашивает рукопись у своего кумира. Автор где-нибудь забыл рукопись, а тот,

кто понимал ей цену, ее подобрал. Словом, подумал я, все может быть. И тут же связался с Еленой Огневой, заместителем директора по научной работе ГМИЛИКА.

И вот эта тетрадка передо мной.

Когда в стене гробницы Тутанхамона пробили небольшую дырку, Говард Картер заглянул в нее — первым за три с лишним тысячи лет. Стоявший за спиной Картера лорд Карнарвон, лет двадцать дававший на раскопки деньги, в нетерпении спросил: «Что вы там видите?!»

«Удивительные вещи!» — ответил потрясенный Картер.

«При чем тут Тутанхамон?!» — спросите вы. При том, что мне тоже хотелось увидеть удивительные вещи.

Для начала я осмотрел тетрадку. С первого взгляда стало ясно, что она самодельная. Страницы скреплены тремя скрепками, но не внутри, а снаружи, так, что ржавые «хвосты» торчали на обложке. Корешок вдобавок прошит, и сделано это небрежно, я бы сказал, по-мужски: на почти двадцать сантиметров четыре крупных стежка. В армии мы так подшивали подворотнички.

Кстати, про скрепки. Есть байка, что в Великую Отечественную шпионы, которых забрасывали немцы, «горели» как раз на скрепках — немцы делали их из нержавеющей стали, а советские скрепки ржавели. В общем, скрепки, соответствовали эпохе.

На обложке — надпись чернилами: «Константин Симонов. Лирические стихи».

Внутри оказались стихи. Отпечатанные на машинке, поправленные рукой, правда, поправленные не везде, где стоило бы поправить.

На первой же странице над стихотворением стояло «К. С. В. С.». Это просто: Константин Симонов — Валентине Серовой.

Стихотворений семь: «Я много жил в гостиницах...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Ты говорила мне: «Люблю»...», «Мне хочется назвать тебя женой...», «Я пил за тебя под Одессой в землянке...», «Я очень тоскую...», «Я, перебрал весь год, не вижу...».

Я рассмотрел тетрадку так, эдак, на просвет. Авторских пометок нет. Надписей вроде «Да, это я написал! Константин Симонов» тоже нет.

Если двери закрыты, надо лезть в окно. И я взял в библиотеке том стихов Симонова с примечаниями, в которых указывались даты и издания первых публикаций. Выяснилось, что стихи публиковались в журналах «Красная новь», 1942, № 1-2 («Я много жил в гостиницах...», «Я очень тоскую...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Мне хочется назвать тебя женой...»), «Новый мир», 1941, № 11-12 («Я, перебрав весь год, не вижу...», «Ты говорила мне: «Люблю»...») и в сборнике «К. Симонов, Лирика», Молодая гвардия, 1942 («Я пил за тебя под Одессой в землянке...»).

Тут надо знать, что выход журнала «Новый мир» в 1941 году задерживался, и сдвоенный номер за ноябрь-декабрь 1941-го вышел в начале 1942-го.

Получалось, что все эти стихи были опубликованы примерно в одно время, но в разных изданиях.

Мог ли какой-то фанат Симонова из трех разных публикаций составить для себя тетрадку «Избранного»? Вполне. Однако мне не хотелось, чтобы все закончилось так просто. И я стал сверять тексты.

И вот тут стали открываться, как говаривал археолог Картер, удивительные вещи. В стихотворениях из «рукописи» оказались другие строчки, другие мысли и целые дополнительные строфы!

Например, стихотворение «Я много жил в гостиницах...»: в рукописи строка «Согрел тебя, хорошую», в книге — «Согрел тебя хорошЕю».

Стихотворение «Я, верно, был упрямей всех...»: в рукописи — «честней девичьих снов», а в книге — «честней бесстыдных слов».

В рукописи — «И встречусь я в твоих глазах// Не с девичьей, пустой», в книге — «не с голубой, пустой». Причем «девичьей» было логичнее, так как следующая строка, оставшаяся и в книге, — «А с женской, в горе и страстях// Рожденной чистотой». То есть, «девичье» противопоставлялось «женскому». Почему Симонов выбрал вариант «с голубой, пустой», понятно — у него уже была и «девичья чистота», и два раза «девочка», пришлось пожертвовать противопоставлением.

В стихотворении «Ты говорила мне: «Люблю»...» в рукописи третья строфа такова:

Они, как мотыльки огня,
Боялись дня и вдруг сгорали,
С рассветом каждый день меня
Холодные глаза встречали.

В официальных публикациях этой строфы нет.

В рукописи строка «Лишь ночью лгать себе могла», а в книге — «Ты только ночью лгать могла», хотя первый вариант сильнее.

Стихотворение «Мне хочется назвать тебя женой...» в рукописи на четыре строфы длиннее, чем в книгах. «Лишние» строки таковы:

Мы называем женщину женой
За то, что так несчастливо случилось,
За то, что мы тому, что под рукой,
Простясь с мечтой, легко сдались на милость.
За нехотя прожитые года,
За общий дом, где вместе мы скучали,
Зовем женой за то, что никогда
Ее себе в любовницы не взяли.
Мне хочется назвать тебя женой
За то, что милых так не называют,
За то, что все наоборот с тобой
У нас, моя беспутная, бывает.
За то, что каждый раз, как первый раз,
Твой шаг слышав, открываю двери,
Что чистоте твоих лукавых глаз
Я и сейчас, как первый раз, не верю.

В рукописи строфа выглядит так:

Мне хочется назвать тебя женой
Не потому, чтоб свет узнал об этом,
Не потому, что ты жила со мной
По всем досужим сплетням и приметам...

В книге:

Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб всем сказать об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.

Вместо «ты жила со мной» — «ты давно со мной». От натуралистичности — к поэтичности, это очевидная авторская правка. Как и замена «свет узнал об этом» на «всем сказать об этом»: первый вариант годился бы, будь стихотворение написано на сто лет раньше.

О «неканонческих» строках стихотворения «Мне хочется назвать тебя женой...» в 2012 году была публикация в «Литературной газете» (№ 44, «Неизвестный Симонов»).

«В годы войны, очевидно в 1942-м, появилась странная книжница. Размером в ладонь, точнее в карман солдатской гимнастерки, она была отпечатана на серой оберточной бумаге с прожилками из деревянных опилок. На обложке стояло: «Константин Симонов. Война». В первый и единственный раз я увидел эту книжку в студенческую пору, когда брат, тоже студент, принес ее из библиотеки педагогического института. Тогда, уже хорошо зная цикл стихов «С тобой и без тебя», я с удивлением обнаружил, что одно стихотворение — «Мне хочется назвать тебя женой» (название по первой строчке) — имеет две «лишних» строфы (восемь строчек), которых нет ни в одном издании К. Симонова. Я не встречал упоминание о них в доступных мне литературоведческих трудах. Я не берусь судить, почему после огненного, трагического 42-го автор чуть смягчил содержание стихотворения...» — пишет автор Иосиф Брумин. Опубликованные в его статье строфы представляют собой смесь строк из рукописи ГМИЛИКА и поздних опубликований стихотворения. То есть к окончательному варианту Симонов шел методом проб и ошибок.

Стихотворение «Я пил за тебя под Одессой в землянке...»: в рукописи странная строчка «Как часто успех его сердца узнать», бессмысленная, как ни крути. В книге это «Как часто, успев его сердце узнать». Ошибка выглядит так, будто кто-то диктовал, и машинистка записала, как услышала. А Симонов как раз

с началом войны пристрастился диктовать. И дикция у него была такая, что «успех его сердца узнать» вполне могло быть услышано как «успех его сердца узнать». Тут возникает вопрос — почему же описка не была поправлена, ведь несколько описок и опечаток в рукописи поправлены. Точного ответа у меня, естественно, нет, но можно предположить — что заметил, то поправил. А что не поправил — то не заметил. Тут есть тонкость: автор знает свой текст, он к нему привык, он его не читает, а вспоминает, корректор из автора никакой.

В этом же стихотворении знаки препинания в рукописи сильно отличаются от знаков препинания в книге. В рукописи

Сегодня я пил — чтоб сегодня скучала, А завтра мы выпьем — чтобы завтра ждала.

В книге в обоих случаях вместо тире запятые.

В рукописи:

Нам легче поверить всегда за другого,
Как часто успех его сердца узнать,
Я верил: другого — пускай, но такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

В книге же последние две строки таковы:

Я верил: такого, как этот, такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

Мысль «другого — пускай» интереснее. Но «другого» уже есть в первой строке, автору пришлось выбирать: либо целая строфа плохая, либо одна строка. Он выбрал.

Стихотворение «Я очень тоскую...» в рукописи также сильно отличается от того, что в книге. Прежде всего, в рукописи стихотворение имеет четырнадцать строф, в книге — одиннадцать.

Тем, кому будет интересно разобраться в этом стихотворении, поясню: первые шесть строф совпадают и в рукописи, и в книге. Затем в рукописи появляются вот такие седьмая и восьмая строфы:

С беспутной и милой
С ней ночь коротать.
Чтоб завтра ни лаской,
Ни силой не взять.
Чтоб завтра, с тоскою
Себя прокляня,
Лишь слышать глухое:
«Не трогай меня».

После них и в рукописи, и в книге идет строфа:

Чтоб, встреться с ней взглядом
В бессонной тиши,
Любить в ней две рядом
Живущих души.

Тезис про «две рядом живущих души» явно задуман с развитием, и это развитие есть в рукописи:

Веселую душу —
За счастье ее,
А грустную душу —
За горе мое.

А в книге этих строк нет. Думаю, Симонов (а я все же полагаю, что это черновики Симонова) пожертвовал всеми этими строфами потому, что с ними уж больно жалостливые стихи получались. Симонов не хотел, чтобы советский читатель видел его таким.

Последнее в рукописи стихотворение «Я, перебрав весь год, не вижу...». Оно единственное в своем роде: если другие стихи в книге короче, чем в рукописи, то тут обратный случай, книжный вариант больше на одну строфу.

В стихотворении Симонов вспоминает Серову: довоенные картины, то, как он летом приехал с фронта, на рассвете приехал к ней и тогда «может быть, впервые ты показалась мне женой». Но самой близкой, говорит Симонов, она была для него, когда перед выходом в разведку (Симонов ходил в разведку

на полуострове Рыбачий 6 ноября 1941 года) командир приказал оставить документы и прочие бумаги на базе. Симонов все бумаги выложил, а фотокарточку Серовой оставил.

В рукописи стихотворение заканчивается строками:

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

И после этого отпечатано: «Константин Симонов».
А в книге есть еще строфа:

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

Получается, он эту строфу сочинил позже. Публикацию в «Новом мире» мне, к сожалению, найти не удалось, но, думаю, эта строфа там уже была — не в пятидесятые же, когда их семейная жизнь становилась все тяжелее, Симонов это написал.

Теперь надо решить, что же такое хранится в нашем музее истории литературы, искусства и культуры? Что-то вроде альбома, в который кто-то списал стихи любимого автора? Самиздат того времени? Авторская копия, надиктованная Симоновым для кого-то (например, для Серовой — отсюда и крайняя откровенность)? Или — именно рукопись?

Все, содержащиеся в рукописи стихи, сочинены Симоновым до конца 1941 года и почти наверняка собраны в эту тетрадку еще до того, как они были опубликованы в журналах «Красная новь» и «Новый мир». Обращает внимание отсутствие «Жди меня». Симонов сочинил его в июле 1941 года. В рукописи есть стихотворение «Я, перебрав весь год, не вижу...», события которого относятся к ноябрю 1941-го. Почему же нет «Жди меня»? Возможен такой ответ: Симонов долгое время считал «Жди меня» очень личным, публиковать не собирался. А в тетрадку

собрал то, что предлагал какой-либо из редакций для публикации. Поэтому и переплетено так — «на коленке».

Я обратился к Алексею Кирилловичу Симонову, полагая, что если кто-то и знает, что это за тетрадь, то это он.

К версии о том, что это мог быть рукописный сборник, который Симонов сделал для Серовой, Алексей Кириллович отнесся скептически: «Отец достаточно легко печатался в то время, ему не было надобности так свои стихи дарить». Насчет того, что Симонов сделал копию для друзей, Алексей Кириллович сказал: «Тоже вряд ли, среди своих стихи существовали в устном обмене».

У Алексея Кирилловича оказалась своя версия.

— Баба Аля делала такие тетрадки. И там действительно бывали очень интересные несходства с тем, как эти стихи были опубликованы потом... — сказал он.

Баба Аля — это Александра Леонидовна, мама Константина Симонова. Эта версия интересна тем, что она может объяснить отсутствие «Жди меня» — Александра Леонидовна это стихотворение не жаловала за строчку «Пусть забудут сын и мать», и даже написала сыну свой поэтический ответ.

— Это очень похоже на тетрадки бабки моей... — говорит Алексей Кириллович. — Только баба Аля делала обложки другие — картонные. Вообще, отец, начиная стихи, понятия не имел, чем они кончатся. Писал он с большим запасом. И работа над стихами у отца сводилась в первую очередь к сокращению. Только в одном случае он дописал три строфы — в стихотворении «Биннокль». Он написал его, прочитал, испугался, поняв, что оно звучит политически неприемлемо. И дописал три строфы, размыв политический смысл. А когда стало можно, он эти три строфы вычеркнул...

Откуда же эта удивительная реликвия в Барнауле? Как рассказывает Елена Огнева, тетрадка была передана вместе с небольшим архивом Александра Петровича Виноградова, старого актера, работавшего в барнаульском ТЮЗе с 1960 по 1985 год. Александр Петрович Виноградов родился в 1917 году в Твери. До войны окончил театральное училище и работал в Калининском областном театре драмы. 20 ноября 1941 года ушел в Красную Армию. Воевал и потом до января 1946 года служил.

Александр Петрович умер в 2011 году, его сын, Юрий Виноградов, также актер этого же театра (теперь МТА), умер в феврале 2017 года. Родственников не осталось. Бумаги и документы передали в ГМИЛИКА.

Актриса МТА Любовь Хотиева, знавшая Виноградова-старшего тридцать лет, рассказала мне, что тетрадка со стихами Симонова нашлась случайно: «Она лежала под книгами, завернутая в газету». То есть, Александр Петрович этой тетрадкой явно дорожил. Но никому о ней не рассказывал. Был ли он знаком с Симоновым? Неизвестно.

«Про Симонова — думаю, если бы они встречались, он бы обмолвился, это была бы известная история... Но он и про войну никогда ничего не говорил. Для него это была закрытая тема. Я была удивлена, когда нашла медали...» — говорит Любовь Хотиева.

Калининский областной драматический театр (ныне Тверской драматический театр) в сентябре 1941 года эвакуировался в Советск Кировской области. 17 октября немцы взяли Калинин, 16 декабря наши отбили его. Театр вернулся в город в январе 1942 года, а в феврале сыграл премьеру. Как думаете, что это было? «Парень из нашего города» Константина Симонова! Когда и как он передал театру свою пьесу, встречался ли он с коллективом, мне выяснить не удалось. Но если допустить, что работа над пьесой началась еще осенью 1941 года, то Виноградов вполне мог успеть в этом поучаствовать, познакомиться с молодым автором — отсюда и особое отношение Виноградова к Симонову.

А вот как, где и когда он получил эту тетрадку, мы, видимо, уже никогда не узнаем...